

На одном из вечеров января месяца 1841 года Иван Петрович Мятлев читал из рукописи только что оконченную, прелестную свою юмористическую поэму «Путевые впечатления мадам де Курдюковой». Сколько психологической правды в этой вещице, сколько тонко схваченных верных черт из нрава, из привычек и воззрений русской степной провинциалки с претензиями на аристократизм! И какая художественность в легкости и элегантности литературной отделки! Хочешь поневоле от всей души, а тривиально-банально-го стиха нигде не встречаешь!

Вы, нынешние... нутка!

Читал же И.П. Мятлев очень хорошо, с явными признаками истинного сценичного комизма. Вообще, надобно заметить, что в старину почти все образованные люди более или менее хорошо читали, потому что с малолетства уже нас тому обучали. В Петербурге такими уроками занимался артист императорских театров Брянский; а в Москве (буде память не обманывает) Щепкин и Репин.

Ю. Арнольд

КРУЖОК БЕЛИНСКОГО*

Месяцев одиннадцать, которые я провел тут**, были из счастливейших в моей жизни, и этим счастьем я обязан кружку, в который попал, и в особенности главе этого кружка — Белинскому. Он имел на меня и на всех нас чарующее действие. Это было нечто гораздо больше оценки ума, обаяния таланта, — нет, это было

* Собрание сочинений *Кавелина*. СПб., 1899 г., т. III, с. 1085—1092.

** Кавелин поселился вместе с Н.Н. Тютчевым и Кульчицким весной 1842 года.

действие человека, который не только шел далеко впереди нас ясным пониманием стремлений и потребностей того мыслящего меньшинства, к которому мы принадлежали, не только освещал и указывал нам путь, но всем своим существом жил для тех идей и стремлений, которые жили во всех нас, отдавался им страстно, наполнял ими свою жизнь. Прибавьте к этому гражданскую, политическую и всякую безупречность, беспощадность к самому себе при большом самолюбии, и вы поймете, почему этот человек царил в кружке самодержавно. Мы понимали, что он в своих суждениях часто бывал неправ, увлекался страстью далеко за пределы истины; мы знали, что сведения его (кроме русской литературы и ее истории) были не очень-то густы; мы видели, что Белинский часто поступал как ребенок, как ребенок капризничал, малодушествовал и увлекался, и между собою подтрунивали над ним. Но все это исчезало перед подавляющим авторитетом великого таланта, страстной благороднейшей гражданской мысли и чистой личности без пятна, — личности, которой нельзя было подкупить ничем, даже ловкой игрой на струне самолюбия. Белинского в нашем кружке не только нежно любили и уважали, но и побаивались. Каждый прятал гниль, которую носил в своей душе, как можно подальше. Беда, если она попадала на глаза Белинскому: он ее выворачивал тотчас же напоказ всем и неумолимо, язвительно преследовал несчастного дни и недели, не келейно, а соборно, пред всем кружком, на каждом шагу. Известно, что и себя он тоже не щадил. Панаеву немало доставалось за его суетливость, мне за «прекраснодушие» и за славянофильские наклонности, которые в то время были очень сильны. Влияние Белинского на мое нравственное и умственное воспитание за этот период моей жизни было неизмеримо, и оно никогда не изгладится из

моей памяти. Я его боготворил, благоговел перед ним. Его влияние поставило много честных и честно думающих людей на Руси. Многие, побывавши под сильным его влиянием, сделали меньше гадостей, чем могли бы сделать по естественному влечению.

Я упомянул о кружке. Он в то время состоял из следующих лиц: *Панаева*, женатого, у которого мы иногда собирались; это был самый богатый и самый фешенебельный член кружка; *Мих. Алекс. Языков* — остряк, хромой и забавный господин, смешивший нас своими шутками и комическими выходками; *Ив. Ильич Маслов*, прозванный Тургеневым «прекрасной нумидиянкой». Маслов служил секретарем коменданта Петропавловской крепости ген. Скобелева, был у него другом дома и сообщал вести и рассказы о том, что говорилось и делалось в крепости. При Николае Павловиче это было и интересно, и очень бесполезно знать. *И. С. Тургенев* (за несколько лет до «Хоря и Калиныча»). Белинский тогда очень благоволил к Тургеневу и восхищался до небес его «Парашей», за несколько стихов отрицательного и демонического свойства (Белинский особенно восторгался стихом, где говорится о хохоте сатаны, и даже, помнится, привел этот стих в одной из своих критических статей). Некрасов к нам не ходил тогда, а бывал у Белинского. *Краевский* был тогда большой литературный и журнальный барин и с нами обращался немножко свысока и у нас не бывал. Остается еще назвать *В. П. Боткина*, который водился с нами во время проезда из Москвы за границу и своей комической свадьбы, в которой все мы принимали участие в качестве свидетелей и друзей*.

Наконец, проездом же из-за границы в Москву был у меня и у Белинского Катков, но не на приятельской ноге. Белинский говорил об нем, что он — пузырь, на-

* Подробности см. «Былое и думы» *Герцена*, глава «Базиль в Арманс».

дугий самолюбием и готовый ежеминутно лопнуть.

Как мы проводили время и что происходило в нашем капельном кружке, это легко представит себе всякий, кто знаком хоть понаслышке с молодыми литературными кружками тридцатых и сороковых годов. Аристократическим изяществом людей с достатком все мы, кроме Панаева и Тургенева, не отличались. Аристократические салоны и литературные тузы были нам известны только по имени. Но весело нам было очень, насколько можно было веселиться при отвратительной тогдашней обстановке сверху и кругом. Каждый литературный кружок, в том числе и наш, был тогда похож на секту, в которую новые члены принимались трудно, по испытанию и рекомендации. Мы мечтали о лучшем будущем, не формулируя положительно, каким оно должно быть, жадно собирали все анекдоты, слухи и рассказы, из которых прямо или косвенно следовало (или должно было следовать), что апокалипсический зверь недолго провоевествует, также жадно и зорко следили за всяким проявлением в слове или печати мыслей и стремлений, которыми были преисполнены. Каждый месяц приносил нам новинку — статью, а иногда и больше, — Белинского, которую читали и перечитывали. Жорж Занд и французская литература были нашим евангелием. За событиями политическими в Европе мы следили внимательно, но нельзя сказать, чтоб с большим толком и настоящим пониманием.

Взаимные отношения членов кружка были самые дружеские, тесные, интимные. Камертон им давал Белинский. Шуткам и остроумиям, часто очень неостроумным, не было конца; запевалой почти всегда был Белинский, особенно усердно и любовно глумившийся надо мной (Н. Тютчева он уважал). Кульчицкому тоже доставалось; его обзывали «гадюкой». Я получил от

Белинского постоянное название «молодой глупдырь» (встречается в новгородских былинах). Споры и серьезные разговоры не велись методически, а всегда перемежались и смешивались с остротами и шутками.

В эпоху, которую описываю, — талант, нравственная физиономия и образ мыслей Белинского сложились окончательно и достигли своего апогея. Никаких колебаний и шатаний из стороны в сторону не было. Его симпатии клонились к стороне Франции, а не Германии или Англии. Его идеалы были нравственно-социальные более, чем политические. Политической программы ни у кого в тогдашних кружках не было. К тогдашнему нашему status quo Белинский относился отрицательно на всех путях и ненавидел панславизм во всех его направлениях и со всеми его идеалами, чутко схватывая, что эти идеалы — пережитое прошедшее, которое и привело к печальному настоящему. Ненависть и любовь его одинаково выражались страстно, подчас ребячески, с чудовищными преувеличениями, но в которых всегда лежала верная, светлая и глубокая мысль, которую мы понимали. Раз как-то в споре Белинский с яростью объявил, что черногорцев надо резать всех до последнего. Другой раз, по поводу какой-то книги, романа или стихов, где поминались русские шлемы, латы, доспехи, он напечатал коротенькую рецензию, в которой говорил, что ничего этого никто не видал, а все знают лапти, мочалы, рогожи и палки. Враги Белинского пользовались этими страстными выходками и отчасти умышленно, отчасти по тупоте не хотели или не умели понять того, что он говорил или хотел сказать. После положительная сторона его ненавистей и отрицания выступила яснее. Говорят, что за границей он страшно тосковал и стремился назад. В Москве, в одном разговоре с Грановским, при котором я присутствовал, Белинский даже выражал

славянофильскую мысль, что Россия лучше сумеет разрешить социальный вопрос и покончить с капиталами и собственностью, чем Европа. Но Белинский ясно понимал, что тогдашнее положение наше с ног до головы ненормальное, что правительство идет само не зная куда и когда-нибудь расшибет себе башку о стену. Здесь будет кстати сказать, что Белинский не любил поляков и с необыкновенным своим чутьем, далеко опережавшим время, прозревал в них узких провинциалов. Ему особенно не нравилось в поляках то, что они считают Варшаву наравне с Парижем, Мицкевича — наравне с Гёте, что послушать их, — их политики, поэты, художники, философы за пояс заткнут европейские светила. Эта черта, т. е. провинциальность, недавно подмеченная и разоблаченная Драгомановым у галличан и разных западных славян, не ускользнула от зоркого глаза Белинского в поляках. Белинский вменял русским в особенное достоинство, что они трезвы умом, не таращатся, относятся к себе отрицательно и что им нечего охранять. Петра Великого он боготворил.

— Пишите скорей его историю, — говаривал Белинский, — пройдет сто лет, и никто не поверит, что Петр не миф, а историческая действительность.

Из периода времени, который описываю, сохранилась в моей памяти еще одна черта Белинского, которую не могу пройти мимо. К концу моего пребывания в Петербурге до московской профессуры сюда приехал Рубини, с которого началась здешняя итальянская опера. Наш кружок бросился с жадностью на эту новинку. Раз как-то давалась «Лучия де Ламермур». Мы были в ложе: Панаевы, Тютчев, Белинский и я (других не помню). В известной патетической сцене горького упрека героя оперы своей возлюбленной Белинский был глубоко потрясен, насилу сдержал слезы и назвал

Рубини — великим актером. Объективной цены этот отзыв не имеет никакой, но он характеризует и Белинского, и время. Наше полное музыкальное невежество объясняет, каким образом ничтожная пьеса могла так глубоко подействовать на Белинского и вызвать то горькое чувство, которое лежало в душе каждого в то время. Оно объясняет и огромный успех Лермонтова и Некрасова, — гораздо больше, чем их действительные поэтические достоинства.

Наконец в 1843 году я оставил Петербург почти с таким же сожалением, с каким оставлял Москву, чтобы переехать в Петербург. К кружку, к Белинскому я привязался всей душой. Связи с ним после того никогда не прерывались. С Белинским они еще укрепились дружбой с Герценом, Грановским, Кетчером, Е. Коршем и другими членами московского кружка, которого Белинский был членом*.

К.Д. Кавелин

КРУЖОК И.И. ПАНАЕВА**

Дом Ив. Ив. Панаева был сосредоточием передового литературного кружка того времени. Это сосредоточие являлось, главным образом, следствием притягательной силы, которой обладал Белинский, и характера Ив. Ив., искренно, горячо и бескорыстно преданного литературе, а равно и приветливости его как хозяина дома.

Ив. Ив. и Белинский были искренними друзьями, причем дружбу Ив. Ив. можно было сравнить с востор-

* Ценные подробности о Белинском сороковых годов см. у И.И. Панаева «Литературные воспоминания» (изд. Academia).

** Воспоминания *Валериана Александровича Панаева*. «Русская Старина», 1901, сентябрь, с. 481—505.